

Отин, Е. С.: *Словарь коннотативных собственных имен*. Донецк, „Юго-Восток, Лтд“, 2004. – 412 с. ISBN 966–8278–87–9

Автором предлагаемого словаря русских коннотативных собственных имен является доктор филологических наук, профессор Евгений Степанович Отин, декан филологического факультета Донецкого национального университета, заведующий его кафедрой общего языкознания и истории языка. Его научные труды касаются таких узкоспециальных областей лингвистики как ономастики, словообразования и истории языка; они определили новые исследовательские направления. У себя на родине Е. С. Отин считается подлинным филологом в самом глубоком и точном понимании своеобразия и значения этой области знания. В конце 80–х годов ушедшего столетия, когда началось становление нового раздела славянского языкознания – сравнительного словообразования славянских языков, он сформулировал научную школу молодых исследователей, получившую широкую известность. В круг их интересов попадает изучение с исторического аспекта структурно-семантической организации и эволюции словообразовательных гнезд, построенных на материале как русского, так и украинского языка. Такой аспект анализа словообразовательной системы близкородственных славянских языков еще не был разработан в достаточной степени, поэтому первые попытки донецких лингвистов в исследовании словообразовательных гнезд как в плане синхронии, так и диахронии удачно вписывались в наиболее приоритетные направления языковедческой науки того времени. «Выпускники» этой школы работают не только в Донецке, но и во многих других городах Украины, в разных странах ближнего и дальнего зарубежья.

Рецензируемый словарь числится первым в славянской лексикографии собранием онимов различных разрядов, функционирующих в речи и как обычные собственные имена, и как проприальные единицы, развившие дополнительные значения – коннотации.

Коннотация определяется как оценочная, эмоциональная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или ocasionального характера. В широком смысле коннотация – любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное) содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию. В узком смысле коннотацией считается такой компонент значения языковой единицы, выступающей во вторичной для нее функции наименования, который дополняет ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, т. е. признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи. В этом случае говорят об образной коннотации.

В *«Предисловии»* (с. 5–14) настоящего словаря подчеркивается автором тот факт, что в языке встречается своеобразный прием вторичной (иносказательной) номинации также посредством собственных имен (онимов) с метафорическими, или символическими, значениями. С их помощью переносно именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством апеллятивов. При этом такие слова продолжают ставиться онимами, не теряют своей способности соотноситься с другими собственными именами. Значит, они не только способны выполнять свою прямую, изначальную функцию, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием: они обогащаются понятийными, или референтивными, коннотациями, органично слившимися с коннотационно-эмоционально-экспрессивного плана.

Словник данного словаря (с. 28–403) представляет собой собрание собственных имен – топонимов, антропонимов, хрононимов, эргонимов и других онимов, развивших референтные значения. Указанное свойство таких коннотативных имен позволяет видеть в них не омонимичные нарицательные существительные, а онимы с коннотемами содержательного плана, актуализация которых осуществляется в специфических и, чаще всего, не типичных для них употреблениях, носящих как узуальный, так и ocasionальный характер.

В рецензируемом словаре собраны коннотонимы разных этапов истории русского языка. Современная его часть оказывается намного представительнее, чем та, которая охватывает материал до XIX века. Язык этого периода содержит еще незначительное количество бесспорных коннотонимов. Их заметное увеличение засвидетельствовано, по результатам исследований ав-

тора, только в источниках XVIII века, но главным образом за счет собственных имен, входящих в состав т. наз. «культурных слов» (ср. *Меценат, Селадон, Ментор, Вольтер, Парнас* и др.).

Одно и то же собственное имя в разные периоды своего употребления в речи нередко разбивает не одно, а целый пучок значений. Таким образом, один и тот же оним может иметь разнохарактерное по частоте и сфере употребления коннотемы, которые или сосуществуют в одном временном пространстве, или же принадлежат разным периодам семантической жизни коннотативного онима.

Автор предлагаемого коннотативного словаря собственных имен стремился собрать максимальное количество коннотонимов из источников, приведенных в конце книги. В словарных статьях определяется историческая перспектива развития значений от изначального собственного имени к такому его состоянию, когда в его смысловой структуре возникают коннотативные компоненты. Разные коннотации собственных имен иллюстрируются или одним, или целой группой примеров. Важно показание разнообразия их семантических контекстов, в которые попадает коннотативный оним, его сочетаемость с другими словами, а также существование различных способов представления в письменной речи (т. е. написание его со строчной или с прописной буквы, в кавычках или без кавычек и т. д.). В словаре зафиксированы также не столь уж редкие случаи перехода собственных имен в омонимичные нарицательные существительные через промежуточную степень – коннотативный оним. Полной деонимизации коннотонимов благоприятствуют разные факторы.

Коннотативные онимы участвуют в процессах трансонимизации – переходе онима одного разряда в другой. Это один из новых путей образования новых собственных имен в современном языке. Трансонимизация бывает абсолютной, или безаффиксной, лексико-семантической, и смешанной – с участием аффиксов. В настоящем словаре представлен только первый вид трансонимизации и лишь те проявления, когда в качестве обязательного промежуточного звена выступают коннотативные собственные имена, формально тождественные предшествующему состоянию (ср. *Золушка > Золушка /КСИ/ > Золушка /ойкодомоним/*).

Словарные статьи в предлагаемом словаре имеют следующую структуру: после заголовочного онима – в его исходной или производной формах – (ср. *Павлик Морозов*) приводятся примеры его употребления в «прямом» (денотативном) значении (ср. *Свидетеля Павлика Морозова прошу пригласить сюда*. Щипачев, С.: Павлик Морозов). В ломаных скобках иногда содержится указание на реалии внеязыковой действительности, связанные с данным онимом, которые предопределили появление у него той или иной референтной коннотации. Например, в словарной статье с заголовочным словом «*Палестина*» приводится << Глубоко почитаемое, святое для христианина место>>. Ниже помещается условное буквенное обозначение типа коннотации (автором здесь различается 47 типов коннотаций) и разъясняющие ее иллюстрации (ср. *Доносчик, предатель. Последний [Жириновский] трепал соколят [молодых сторонников его партии] за щечки и витийствовал на предмет того, что эти скауты не будут бороться с дедушкой, который заседал в Кремле, и что из них никогда не вырастут павлики морозовы. Как будто вовики жириновские лучше ...* Лит. газета, 1996, 17 апр.). Одно-типные сознания нумеруются.

Следующие части словарной статьи носят факультативный характер. Это: а) производные от коннотонимов, возникших в русском языке или в языках, из которых произошло их заимствование (в статьях они приводятся после знака «квадрат»: *Напавликоморозничать*. Мол. Шутл. *Наябедничать, донести на кого-либо*); б) словосочетания с коннотонимами или отконнотонимными производными (вводятся знаком «ромб»: *♠ Шмакодявка Морозова. Девочка-доносчица*); в) географические названия, возникшие в результате «возврата» в топонимию коннотонимов, но уже с иными мотивами номинации новых географических объектов (вторичные топонимы типа *Сахалин* («неофициальное название отдаленных населенных пунктов»); *Соловки* («неофициальное название части Ленинского района г. Донецк и находящегося здесь рынка»); *Шанхай* («неофициальное название части некоторых городов» и т. д.), которые подаются после условного сокращения *Топ.*; г) испытавшие полную деонимизацию лексемы (с точки зрения их современного восприятия), в истоках которых лежит тот или иной коннотоним, например, *ванька* «плохой извозчик», *охреян* «раскольник» и др.

В словарь вошли, по словам автора, главным образом, освоенные, устоявшиеся, т. е. узусные коннотативные собственные имена интер- и интралингвального типов и лишь незначительное количество окказиональных коннотонимов – с целью показать их отличие от первых.

Словнику предшествуют «Принятые сокращения и графические знаки» (с. 15–18), вслед за тем включен раздел, в котором дается список языковедческой литературы, относящейся к данной проблематике, и источников, служивших для выборки материала («Литература и источники», с. 19–27). В конце книги помещено содержание («Оглавление», с. 404–410); в нем дается, между прочим, также алфавитный список собственных имен, имеющих в словаре.

Настоящий словарь является оригинальным своего рода произведением. Составлен был видным лингвистом Украины. На практике он может послужить ученым-филологам, аспирантам, студентам гуманитарных факультетов и всем интересующимся и пользующимся русским языком в повседневном общении.

Алеш Бранднер

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г.: Словарь русской брани. Матизмы, обцензизмы, эвфемизмы. Санкт-Петербург «Норинт» 2003, 448 с.

Содержит 4400 слов и 4000 устойчивых сочетаний, список сокращений и литературы. В довольно объемной предисловии изложена история темы в литературе, методы составления словаря, причем составители подробно задумываются не только над семантикой помещенных в словарь лексических единиц, а также над более широкими аспектами применения ругательств в разных эпохах и сферах общественной жизни и о роли лингвистических исследований в данной области.

Впервые за много десятилетий авторы изданного в России словаря брани подходят к теме «по-научному» и перед нами предстает сложная и «многоэтажная картина» современной русской бранной лексики. Таким образом членимость лексического материала удивительно возрастает. В понятие «бранных слов» входят в словаре собственно вульгаризмы как *блядь*, *хуй* вместе с их эвфемистическими вариантами типа *бляха*, *блин*, *бабье счастье*, *балда* и даже уменьшительно-ласкательные формы детской речи *пиписька*, *пипочка*, *пирожок*, *пукалка* и многие другие.

Если более подробно рассмотреть построение словарной статьи, перед нами предстанет серьезная попытка по возможности полно описать русскую бранную лексику и фразеологию, зафиксированную литературными и нелитературными источниками или «записанную самими авторами или их информантами.» Поэтому применен дифференцированный подход к материалу, что дает возможность представить русскую бранную лексику как многослойную и достаточно разнородную, но одновременно целостно функционирующую систему.

Итак словарная статья словаря, в отличие от «поп-изданий» с подобными названиями (Dlouhá, O.: *Rusko-český odborný slovník policejné právní terminologie a kriminálního slangu, Police history, Praha 2000*), снабжена емкой информацией грамматического, лексического и стилистического характера. Заголовочные слова располагаются в алфавитном порядке и в случае наличия фонетических вариантов последние рассматриваются в рамках данной статьи. Также не пропускаются омонимичные формы, хотя некоторые из них с трудом безоговорочно включить в рамки декларированной названием словаря лексики. Напр. русское слово *хер*, обозначая «мужской половой орган», имеет вульгарно-просторечную окраску по отношению к омонимичному заимствованию из немецкого языка слову *хер* с шутивным обращением к мужчине.

Если заголовочное слово принадлежит к изменяемым частям речи, поставлено в исходной форме и у существительных указан род и склонение в форме родительного падежа. Нерегулярные формы и их употребление в словаре достаточно отмечены, напр. неизменяемые и за-